

DOI: 10.25178/nit.2022.1.2

Статья

Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков)

Михаил А. Бредис

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Евгений Е. Иванов

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Пословицы тувинского народа, как и многих других коренных народов России, традиционно переводятся преимущественно на русский язык, что искусственно ограничивает типологическое изучение и лексикографическое описание тувинского пословичного фонда только пределами русского мира. Отсутствие переводов на другие языки не позволяет выработать адекватные переводческие приёмы с учётом различных аспектов перевода. Наибольшую актуальность (и наибольшую трудность) в этой связи представляет собой исследование провербиальных факторов перевода, которые в наибольшей степени влияют на адекватность передачи на чужом языке национальной специфики тувинских пословиц.

Цель исследования — определить основные провербиальные факторы словарного перевода и описать их значимость и особенности проявления при передаче тувинских пословиц на русском и на английском языках.

Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, примеры пословиц из словарей, а также наиболее авторитетные паремиологические словари русского и английского языков.

В статье установлены основные провербиальные факторы словарного перевода — семантическая вариативность пословицы, её композиционно-образная структура и лексико-грамматическая организация, наличие в её составе этнокультурно маркированных образных и понятийных компонентов. Описаны значимость и особенности провербиальных факторов перевода при передаче национальной (языковой, фольклорной, этнокультурной) специфики тувинских пословиц на русский и на английский языки. Рассмотрены пути преодоления переводческих трудностей и критерии выбора иноязычных эквивалентов при межъязыковой трансляции тувинских пословиц в аспекте паремиографии (при описании в полилингвальном паремиологическом словаре).

Ключевые слова: паремиология; паремиография; пословица; перевод; провербиальный фактор; тувинский язык; тувинский фольклор; русский язык; английский язык

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования:

Бредис М. А., Иванов Е. Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 17-36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова; ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov_ee@msu.by

Article

Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)

Mikhail A. Bredis

RUDN University, Russian Federation

Eugene Eu. Ivanov

A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus; RUDN University, Russian Federation

Tuvan proverbs, as it is common for many of Russia's indigenous peoples, have been mostly translated into Russian language only. This has hindered typological study and lexicographic description of Tuvan proverb corpus beyond the Russian-speaking world. Absence of translation into other languages prevents working on translation methodologies while taking into account various aspects of translation. The most urgent (and most complicated) challenge in this relation lies in studying proverbial factors of translation, which are most crucially important for adequate rendering in target language the ethnically specific nature of Tuvan proverbs.

The goal of our study is to define these proverbial factors of vocabulary-based translation and to assess their importance and expression when translating Tuvan proverbs into Russian and English.

For empirical material, we turned to published collections of Tuvan proverbs and sayings, sample proverbs recorded in dictionaries and the most authoritative paremiological dictionaries of Russian and English languages.

Among the main proverbial factors of vocabulary-based translation (as established in our article) are semantic variability of a proverb, its composition and lexico-grammatical structure, as well as the presence of ethnically and culturally marked notions and tropes. The article also assesses the importance of proverbial factors of translation when these ethnic (linguistic, folklore, or ethnocultural) features are rendered in Russian or English. We examine the ways to solve translation issues and the criteria to select equivalents in foreign languages when Tuvan proverbs are described paremiographically (i.e. when they appear in a multilingual paremiological dictionary).

Keywords: paremiology; paremiography; proverb; translation; proverbial factor; Tuvan language; Tuvan folklore; Russian language; English language

The study was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.

For citation:

Bredis M. A. and Ivanov Eu. Eu. Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskiikh poslovits v aspekte normativnoi i poli-lingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 17-36. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. Email: bredis-ma@rudn.ru ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

IVANOV Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Associate Professor and Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, A. A. Kuleshov Mogilev State University; Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. Email: ivanov_ee@msu.by ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Введение

Тувинские пословицы, как и пословицы многих других языков коренных народов России, имеющих письменность, традиционно лексикографически описываются в виде сборников с параллельным переводом на русском языке как языке межэтнического общения. При этом перевод, особенно под влиянием близких или аналогичных по форме и содержанию русских пословиц, в той или иной, а нередко и в весьма значительной степени перестаёт быть собственно переводом, заменяется искусственным эквивалентом или прямым русским пословичным соответствием. Также довольно часто при передаче тувинской пословицы на русском языке она подпадает намеренному преобразованию на языке перевода, искусственно «приукрашивается» как по форме и структуре, так и по содержанию. Как мы уже отмечали, «составители сборников тувинского пословичного фонда не ставили целью его языковедческое описание, на первом плане была популяризация фольклора, поэтому пословицы издавались с литературными переводами на русский язык, содержащими неточности» (Бредис и др., 2021: 145). Это существенно искажает, а во многих случаях и способствует возникновению неверного представления о национальной самобытности пословиц тувинского народа и их типологической корреляции с пословицами как других народов России, так и различных европейских и азиатских народов.

Проблеме перевода тувинских пословиц на русский язык посвящены исследования А. М. Коняшкина и Ш. С. Чадамба на материале переводных художественных произведений с тувинского языка на русский (Коняшкин, Чадамба, 2014ab, 2017; Чадамба, 2014, и др.¹). Вместе с тем отмечается, что «аутентичность перевода, помимо своей роли для межязыкового сопоставления, является важнейшим компонентом словарной репрезентации формы и содержания пословиц в лингвистическом паремиологическом словаре» (Бредис и др., 2021: 147). Отсутствие разработанной теории и непротиворечивой практики перевода тувинских пословиц на основные международные языки мира не только не позволяет полноценно использовать пословичный фонд тувинского языка в типологическом изучении пословиц народов мира, но и препятствует популяризации духовного богатства тувинского народа, отражённого в его пословицах, как в России, так и за её пределами. Актуальной в этой связи является разработка методологии перевода тувинских пословиц на русский язык как государственный язык Российской Федерации, способствующий приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов России, а также на английский язык как основной язык международного общения в современном мире.

В современной лингвистике перевод рассматривается как сложное, многоаспектное комплексное явление и выделяется пять аспектов природы перевода, каждый из которых «трактует его как структурно-языковую, культурную, семиотическую, смысловую (когнитивную) и коммуникативно-прагматическую реальность», и каждый из которых детерминирует то, «что отличает перевод от обычной речевой работы языкового знака» (Иванов, 2017: 20). Каждый из аспектов перевода можно рассматривать в качестве отдельных его факторов, поскольку именно ими обуславливаются характер и способы передачи единиц одного языка средствами другого языка. Как показывают новейшие исследования, «даже переводчики с натуральным билингвизмом в рамках перемещения культурных смыслов при переводе также допускают или смещение смыслов, или их сокращения» (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021: 416). Поэтому учёт факторов перевода и умение ими пользоваться являются наряду с глубоким знанием языков и особенностей культур важнейшими компонентами переводческой компетенции.

Вместе с тем нужно признать, что помимо указанных общих аспектов (факторов) перевода для каждой разновидности единиц языка и речи (слов и их классов, устойчивых выражений и их типов, предложений и их видов, речевых жанров и их текстовых форм) существуют ещё и свои собственные, частные аспекты (факторы), определяющие специфику перевода разных единиц. Установление таких частных факторов перевода представляет собой, на наш взгляд, одну из наиболее актуальных задач современной теории и практики перевода. В этой связи представляет наибольшую трудность (и вызывает наибольший интерес) определение частных факторов перевода пословиц (провербиальных факторов перевода), т. е. таких характеристик пословичной формы и содержания, которые прямо и непосредственно влияют на адекватность передачи этнокультурной и языковой специфики пословиц при их переводе на другой язык.

¹ Также см.: Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 151 с.

Выявление и описание частных (провербиальных) факторов перевода для большей объективности следует осуществлять, на наш взгляд, на материале разноструктурных языков — русского и английского. Такой подход является значимым ещё по той причине, что особенности перевода тувинских пословиц на английский язык до настоящего времени не были предметом специального исследования как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте.

Цель исследования — установить основные провербиальные факторы перевода тувинских пословиц по отношению к языкам разных типологических классов и языковых групп, на основании чего выявить значимость и описать особенности проявления различных провербиальных факторов перевода при трансляции тувинских пословиц средствами русского и английского языков.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц¹, а также свыше 2000 их переводов, и / или переводных эквивалентов и соответствий из русского и английского языков, отобранных из авторской картотеки, полученной путём сплошной выборки из наиболее авторитетных современных русских и английских паремиографических источников (В. М. Мокиенко, Ю. В. Мюррей, Дж. Спайк и др.).

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (*Паремиология в дискурсе*, 2015; *Паремиология без границ*, 2020; *Паремиология на перекрёстках ...*, 2021), а также основные положения теории пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2009, 2019ab, 2020), структурно-семантического моделирования пословиц (Петрушэўская, Иваноў, 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), сопоставительного изучения пословиц (Ivanov, Feldman, 2007; Иваноў, 2011; Ivanov, Petrushevskaiia, 2015; Петрушэўская, 2020; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021), культурно-языкового трансфера в паремиологии (Ломакина, Мокиенко, 2016, 2018ab; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Lomakina, 2021), теории и практики перевода пословиц (Кузьмин, 2004; Киндеркнехт, 2007; Балляр, 2009; Иванов, 2017²).

Выявление провербиальных факторов перевода тувинских пословиц базируется на дескриптивных, сопоставительных и лингвокультурологических исследованиях пословично-поговорочного фонда тувинского народа (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021³), а также на широком историко-этнографическом описании тувинского фольклора (Курбатский, 2001; Мижит, 2013; Бурыкин, 2020; Цэнгельские тувинцы ... , 2020; и др.⁴), изучении исторических, социальных, материальных, духовных особенностей культуры Тувы (Ламажаа, 2011, 2013, 2021; Будегечиева, 2018).

Семантическая вариативность пословицы

Как справедливо отмечает широко известный исследователь тувинского фольклора Г. Н. Курбатский, «аналитическое ... описание пословиц невозможно без их правильного научно точного понимания» (Курбатский, 2001: 344). Изучение пословиц объективно затрудняется многогранностью и

¹ Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически новейшего сборника: *Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.* Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: *Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.);* *Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78, 78 с. (На тув. и рус. яз.);* а также словари (*Тувинско-русский ...*, 1968, 2014).

² См. также: Ая У. Перевод пословицы как способ заимствования и художественный приём // *Михайловская пушкиниана. Вып. 67: Материалы научно-практических чтений «По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»), 22–26 апреля 2015 г. : сборник статей. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2016. С. 92–98.*

³ См. также: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // *Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27;* Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21;* Доржу К. Б. Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // *Вестник Тувинского государственного университета. 2012, № 1. С. 94–98.*

⁴ А также: Куулар Д. С. *Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с.*

многоплановостью паремий как языковых явлений. Одной из таких трудностей является релятивный характер пословичной семантики. Такая релятивность обусловлена семантической вариативностью пословицы как языкового знака (его значение определяется только в контексте употребления в речи) и как фольклорного текста (для понимания смысла которого не требуется речевой контекст, однако необходимо наличие этнокультурной компетенции). Именно по этой причине перевод на другие языки пословиц, в отличие от других устойчивых выражений, является весьма непростой процедурой, в которой одним из значимых провербиальных (т. е. собственно пословичных) факторов перевода выступает их семантическая вариативность, требующая специального рассмотрения.

В переводческой практике квалифицированные переводчики используют семантические эквиваленты пословиц в соответствующем контексте, что требует достаточного уровня этнокультурологической компетенции. При этом весьма показательно, что сами носители данного языка далеко не всегда в состоянии понять и объяснить смысл многих пословиц. Об этом образно говорит тувинская пословица *Чепти эжип өөренир, Чеченни сактып өөренир* 'Веревку надо уметь вить, пословицу — понимать'¹. В этой пословице метко подмечено то, что является камнем преткновения для переводчиков. Именно «толкование», понимание значения пословицы и создаёт наибольшие трудности при её переводе на другой язык.

Большинством паремиологов выделяется два типа значения пословицы — базовое и контекстно-ситуативное. Первый тип значения характеризует пословицу как произведение фольклора (однофразовый текст) и определяется безотносительно её реального употребления в речи, как правило, в результате интроспекции. Толкование базового значения в паремиографии ограничивается отдельными комментариями и не имеет системного обоснования. Второй тип значения характеризует пословицу как языковую единицу и выявляется только на основании фиксации конкретных случаев её употребления в речи в наиболее типичных контекстах и ситуациях. Толкование контекстно-ситуативного пословичного значения носит нормативный характер, требует трудоёмкого лингвистического обоснования и языковой верификации, поэтому встречается только в таком весьма редком типе паремиографических справочников, как толковый словарь пословиц, имеющийся для небольшого количества языков. Так, в англоязычной паремиографии пословицы никогда не толковались в нормативном плане, а русские пословицы описаны сразу в нескольких толковых паремиологических словарях (Жуков, 1991; Мокиенко, 2012, 2017²). Создание толкового словаря тувинских пословиц — одна из актуальных задач их лексикографического описания.

Носитель языка, встретив в ненормативном справочнике пословицу «в чистом виде» (без контекста и специальных комментариев), вынужден интерпретировать её смысл на основании комплекса имеющихся у него знаний и представлений о действительности, а также собственного запаса пословиц. Этот багаж знаний условно можно считать своеобразным контекстом, который определяет базовое значение пословицы (Бредис, 2019: 94). Однако необходимо помнить, что «чисто семантический» (максимально внеконтекстный) способ толкования пословицы даёт лишь гипотетический результат, приписывающий пословице только некий «семантический потенциал», который невозможно оценить с точки зрения того, насколько в действительности он реализуется в той или иной ситуации (Крикманн, 1978: 82).

Следует отметить, что пословицы, будучи однофразовыми текстами, остаются относительно самостоятельными и при массовом употреблении в речи. Поэтому носители языка воспринимают базовое значение пословицы как вне речевого контекста, так и в речи, что позволяет говорить об ограниченном (условном) контексте, который при функционировании в дискурсе уточняется в конкретном контексте (ситуации) (Бредис, 2019: 98). Когда речь идёт об общеупотребительной пословице, известной всем носителям языка данного этноса, региона, коллектива (малой группы), где эта пословица в широком ходу, её базовое значение понятно всем вне речевого контекста. Но и в этом случае базовое значение пословицы можно формулировать лишь потенциально, поскольку всегда остаётся неизвестным, будет ли она произноситься, по словам М. Кууси, «как ода или как сатира» (Kuusi, 1994: 107), что может выражаться даже интонацией и мимикой говорящего.

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 17.

² Также: Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева, 2002. 352 с.

Пословица не привязана своим значением к какой-то одной ситуации, может семантически соответствовать определённому множеству типичных контекстов. В свою очередь, каждому отдельному типичному контексту в речи может соответствовать некоторое множество пословиц. Этой семантической неопределённостью и наличием множества контекстов объясняется трудность перевода пословиц. Именно поэтому целесообразно, на наш взгляд, помимо базового значения (в условном контексте) использовать при переводе пословиц ещё и реконструкцию их контекстно-ситуативного значения в тех или иных возможных речевых контекстах и ситуациях. Такой подход можно обосновать ещё и тем, что пословицы никогда не употребляются в речи просто так, без повода, без коммуникативной задачи, как, например, исполняются песни или загадываются загадки.

При переводе пословиц в рамках полилингвального паремиологического словаря необходимо, прежде всего, аутентичный перевод, передающий базовое значение пословицы. Однако не менее значимы и иноязычные эквиваленты, отражающие возможные речевые контексты её употребления, определяемые на основе семантической вариативности как общего значения пословицы, так и значений её лексических компонентов, не утрачивающих самостоятельных ассоциативных связей с лексическими единицами языка и способных влиять на контекстуально-ситуативное пословичное значение.

Например, тувинская пословица *Кыш эртер, Кылык частыр* в словаре тувинских пословиц и поговорок Б. К. Будупа переводится на русский язык как 'Зима пройдёт, Тревоги улягутся'¹. Ясность образов и краткость их лексического выражения в этой пословице существенно облегчают её перевод на любой язык. Ключевой в пословице является мысль о том, что «Всё пройдёт». Образ зимы, наиболее холодного и голодного времени в году, говорит о трудностях и опасностях, которые приходится переживать в эту пору. Когда наступает весна, становится легче, тревоги и заботы отступают. Базовое значение пословицы 'Зима проходит неизбежно, а с её концом пройдут и тревоги' семантически аналогично русскому переводу и определяется её условным контекстом. В этом контексте полным эквивалентом данной тувинской пословицы в русском языке является *Весна да лето, пройдёт и не это* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 116).

Однако наличие семантической вариативности у тувинской пословицы предполагает её иной перевод. Если учесть, что вторую часть *кылык частыр* можно понимать как 'остыть, отойти от гнева', то пословица приобретает ещё одно толкование при реконструкции её возможного контекстно-ситуативного значения. Речь здесь может идти о ссорах, обидах, гневе. По-тувински *кылык* означает 'вспыльчивость, запальчивость, раздражительность' (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 277). В этом контексте образ зимы (*кыш*) являет собой метафору гнева, вспышки обиды, раздражения у человека, что неизбежно пройдёт, страсти улягутся, всё успокоится, войдёт в норму. В таком случае ключевой в пословице является мысль 'Вспыльчивый отходчив', а частичным семантическим эквивалентом тувинской пословицы в русском языке может быть *Крута горка, да отходчива* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 204), где говорится о вспыльчивом человеке, который легко возбуждается, но также быстро остывает. Ещё частичными эквивалентами тувинской пословицы в русском языке являются *Время всех лечит; Время лечит раны; Время придёт — слёзы утрёт* (там же: 164). В свою очередь, англоязычными эквивалентами данной тувинской пословицы в её возможном контекстно-ситуативном значении являются *Time is a great healer* 'Время — лучший целитель'; *Time cure all things* 'Время лечит всё'; *Time tames the strongest grief* 'Время укрощает сильнейшее горе' (Мюррей, 2008: 38).

Таким образом, если учитывать фактор семантической вариативности, то в качестве перевода тувинской пословицы *Кыш эртер, Кылык частыр* можно предложить такие варианты, как рус. *Зима пройдёт, Тревоги (обиды, гнев) улягутся (утихнут)* и англ. *Winter will pass, Anxiety (resentment, anger) will subside*. Иноязычные эквиваленты будут соответствовать либо условному базовому, либо указанному возможному контекстно-ситуативному значению тувинской пословицы. Такой подход, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает потребностям полилингвальной паремиографии, поскольку даёт возможность достаточно широко, но без утраты объективности толковать значение пословицы, а значит адекватно переводить её на другие языки и с максимальной полнотой отражать её иноязычные эквиваленты.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 111.

Семантическая вариативность должна приниматься во внимание как один из провербиальных факторов при переводе тувинских пословиц, что позволит передать на чужом языке не только нюансы базового значения, но и возможные контекстно-ситуативные значения (если не все, то хотя бы наиболее очевидные — детерминированные семантической вариативностью отдельных лексических компонентов пословицы).

Композиционно-образная структура пословицы

Ещё одним важнейшим провербиальным фактором перевода является композиционная структура пословицы, которая может разительно отличаться в разных языках и этнокультурах. Так, например, в русском языке преобладают образные пословицы, поскольку их основным источником, как известно, была народная речь, а в английском языке более половины его пословичного фонда составляют единицы, лишённые предметной образности, которые в своём большинстве восходят к письменным источникам (Ivanov, Petrushevskaja, 2015). Довольно специфичную композиционно-образную структуру имеют пословицы тувинского народа, что позволяет рассматривать её как один наиболее ярких, значимых провербиальных факторов их перевода на другие языки.

Как известно, «большинство тувинских пословиц основано на прямом двучленном психологическом параллелизме», при этом такой «пословичный параллелизм всегда чётко оформлен синтаксически. Многие пословицы делятся на две части, состоят из двух парных строк-стихов. Первая часть (первый член параллелизма), как правило, описывает природный образ, а вторая (второй член параллелизма) — социальный» (Курбатский, 2001: 343). При этом показательно, что в тувинских пословицах часто используются реалистические жизненные образы, хотя в целом пословичный фонд тувинского народа характеризуется довольно «явным преобладанием лиризма над эпикой» (там же: 342). Образы в составе одной пословицы могут как сближаться друг с другом, так и противопоставляться друг другу. Под воздействием пословичной образности в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причём обобщённое значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности.

Следует отметить, что порядок следования структурных частей в составе двучленных пословиц с параллельными образами может изменяться, хотя в целом пословичная вариативность «довольно редка» в тувинском фольклоре (там же: 342). Тем не менее, формальную вариативность пословиц следует учитывать при переводе, поскольку при пословичном параллелизме порядок следования структурных частей, а также варианты образности могут играть решающую роль для толкования как условного базового значения, так и возможного контекстно-ситуативного смысла двучленной пословицы, оказывая влияние на выбор переводчиком адекватных средств её передачи на другом языке.

Так, широко известная тувинская пословица *Чечен менде, Чечек черде*, которая переводится на русский в словарях с перестановкой своих структурных частей как 'Цветы — на земле, Красноречие — во мне'¹, фиксируется в печатных источниках и в своём инверсированном виде *Чечек — черде, Чечен — менде* 'Цветы — на земле, Красноречие — у меня' (Мижит, 2013: 92). В свою очередь, у цэнгэльских тувинцев, проживающих в Монголии, пословица сохранилась в виде *Чечен сөс хөрээмде, Чечек, калбы черде* 'Меткое слово — у меня в груди, Цветы — на земле' (Цэнгельские тувинцы ..., 2020: 111). Как видим, во всех пословичных вариантах и их переводах сохранена ритмическая организация, характерная для тувинских пословиц, соблюдается начальная, внутренняя и конечная рифмы, присутствует параллелизм. Данную пословицу во всех её формальных вариантах, на наш взгляд, можно по праву отнести к лучшим образцам тувинского пословичного фонда по причине наличия в ней «гармонии формы и содержания, музыкальности и поэтичности» (Мижит, 2013: 93). Но также и видно, что перевод каждого формального варианта одной пословицы может существенно отличаться по смыслу, формировать у реципиента разное представление о ключевых образах и понятиях (особенно в тех случаях, когда переводчик знает или намеренно выбирает только один формальный вариант данной пословицы).

¹ См.: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 15; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 67.

В одном случае на первый план в смысловой структуре перевода этой пословицы социальный образ (*красноречие во мне*), во втором — природный образ (*цветы на земле*), в третьем — комбинация социального и природного образов (*меткое слово у меня в груди*). Именно поэтому при переводе в целях лексикографического описания тувинских пословиц следует в обязательном порядке учитывать фактор их композиционно-образной структуры, давать все формальные варианты и их переводы, строго придерживаться порядка слов и строк двучленных пословиц в каждом пословичном варианте. Однако всякий раз необходимо, на наш взгляд, кодифицировать один из формальных вариантов пословицы как основной (реестровый в структуре словаря). Таким вариантом для тувинской пословицы о красноречии может быть *Чечен менде, Чечек черде* (как наиболее распространённый, если судить по его фиксации в различных письменных источниках), который без труда переводится в своём условном (базовом) значении как на русский язык ('Красноречие во мне, Цветы на земле'), так и на английский ('Eloquence is in me, Flowers are on the ground').

Помимо базового значения, у пословицы *Чечен менде, Чечек черде* можно также выделить одно из возможных контекстно-ситуативных значений, которое основывается на том, что её источником являются *чечен чугаалар* (остроумные беседы), состязания в виде диалогов, вопросов и ответов по традиционной форме, приближающей ответы к пословицам, с элементами импровизации. *Чечен чугаалар* — «яркое проявление и особая форма народного красноречия, один из источников пословиц и поговорок, загадок, фразеологизмов, крылатых слов и выражений» (Курбатский, 2001: 358). Во время таких интермедий участники не лезут за словом в карман, проявляют максимум находчивости и остроумия, выстраивая цепочки вопросов и ответов. Поэтому в зависимости от контекста одна и та же фраза может пониматься (и переводиться) по-разному. Так, в одном контексте пословица *Чечен менде, Чечек черде* связывается с понятием находчивость, а в другом — с остроумием:

«Чоп чечен сен? Почему такой находчивый? — Чечен менде, чечек черде. Находчивость — во мне, цветы — на земле. Заключительная пословица, славящая находчивость, в данном случае понимаемую как остроумие, достойно венчает словесное состязание, не исключавшее острословие во имя острословия. Иногда одно и то же различным образом обыгрываемое пословично-поговорочное вкрапление составляло самую суть острословия, напр.: Чоп кончуг чечен сен? Что ж ты такой остроумный? — Чечен менде, чечек черде. Остроумие у меня, а цветок на земле» (там же: 361–362).

Обращение к возможным контекстно-ситуативным значениям двучленной пословицы позволяют глубже понять её условное базовое значение и обогатить её словарный перевод на другой язык смысловыми вариантами и иноязычными эквивалентами, которые дадут возможность реципиенту не только адекватно понять значение пословицы, но и правильно применять её в различных речевых контекстах и ситуациях.

Инверсия структурных частей при переводе может существенно исказить смысл двучленной пословицы с параллельной образностью. Так, тувинская пословица *Аксың-биле аал көжүрбе, Дылың-биле дыт ужурба* переводится в словаре Б. К. Будупа как 'Языком дерево не вали, Словом аал не перенеси'¹. Здесь при переводе параллельные образы переставлены местами: первая часть должна быть о *слове* и *аале*, вторая — о *языке* и *дереве*. Такую перестановку переводчика можно объяснить, во-первых, одинаковой моделью образности в каждой структурной части («метафора + гипербола»), а во-вторых, формальной вариативностью пословицы (структурные части свободно инверсируются). Но, как уже отмечалось, перестановка структурных частей влияет на условное (базовое) значение пословицы, поскольку от того или иного порядка двух образов в разных структурных частях обычно прямо зависит то, какой из них будет восприниматься как ключевой (т. е. доминантный, смыслообразующий) в пословице. В этом смысле порядок образности в переводе не может быть иным, чем в пословице, иначе перевод не будет адекватным.

Не менее важным является сохранение смыслообразующей функции пословичных образов при переводе, которая детерминирует, в свою очередь, правильную передачу на другой язык этнокультурной специфики содержания пословицы. Так, лексема *аал* может быть сохранена без перевода (без калькирования) в качестве этнолингвомаркёра традиционной материальной культуры, а также образного репрезентанта фрагмента национальной картины мира тувинского народа. *Аал* — это

¹Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 14.

название традиционного типа поселения кочевого народа. В *аале* объединялись только родственные семьи. Как правило, тувинский *аал* состоял из семи-двенадцати юрт (Потапов, 1969: 117–118). Однако *аал* мог состоять и из одной юрты или нескольких юрт (История Тувы, 2001: 243). В английском переводе *аал* также остаётся без перевода, чтобы избежать излишне длинной описательности в пословичном тексте. Такой подход вполне оправдан, поскольку лексема *аал* является этнокультурной языковой реалией¹. Если же переводить (калькировать) компонент *аал* в составе пословицы, то лучше передавать его смысловые варианты ('селение родственников / семейный дом') на другой язык прежде всего однословными номинациями (когда лексико-семантическая подсистема языка перевода это позволяет, как, например, белорусский язык, где *хата* имеет значение как 'жилой крестьянский дом', так и 'отдельная семья', ср. пословицу бел. *Шэпты хату зводзяць* 'Сплетни в семье уничтожают её'² и под.).

Следует максимально точно сохранять при переводе образность и её лексическое выражение в пословицах. Так, в тувинской пословице об *аале* он сравнивается не с *деревом* вообще (*ыяш*), а с *деревом* конкретной породы — *лиственницей* (*дыт*). Вместе с переводом *дыт* как *лиственница* данная пословица приобретает совсем иной смысл, который утрачен в приведенном выше переводе Б. К. Будупа. Использование в переводе названия *лиственница* придаёт пословичной метафоре более яркую образность, поскольку *лиственница*, как известно, относится к числу одних из наиболее твёрдых и тяжёлых пород деревьев. Поэтому *рубить языком лиственницу* — ещё большая гипербола, основанная на бессмыслице. Аналогичная по модели пословичная образность встречается и в других языках. Например, латгальский³ эквивалент пословицы об *аале* и *лиственнице* построен на основе близкой структурно-семантической модели *Ar mēli pilis ceļ, ar dorbim — aizkrōsnē sēd* 'Языком замки строит, на деле — за печкой сидит' (Opincāne, 2000: 6), где используется такой же невозможный, как и «рубка лиственницы языком», образ «строительства замка посредством языка как анатомического органа», ср.: *ar mēli = дылың-биле (языком)*. Пословичная образность, основанная на бессмыслице, порождает парадоксальные пословицы, адекватный перевод которых затруднителен даже в близкородственных языках (Иванов, 2014), но вполне возможен, если всегда стремиться учитывать и стараться сохранять при переводе композиционно-образную структуру пословицы.

Таким образом, с учётом такого фактора перевода, как композиционно-образная структура, пословицу *Аксың-биле аал көжүрбе, Дылың-биле дыт ужурба* правильно переводить на русский язык как 'Разговором (речами, на словах) аал не переселяй, Языком лиственницу не руби (не вали)', на английский язык как 'Do not relocate aal by speeches, Do not chop the larch with your tongue'. Именно такой перевод тувинской пословицы можно считать адекватным оригиналу и пригодным для полилингвального паремиологического словаря, в котором также следует привести её иноязычные эквиваленты, напр.: рус. *Не кончай работу языком — кончай делом; Если косить языком, спина не устанет; Кто языком штурмует, немного навоюет; На словах города строит, а на деле ничего не стоит* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 740, 741, 1014, 823); англ. *A man of words and not of deeds, is like a garden full of weeds* 'Человек, который произносит много слов и ничего не делает, подобен саду, полному сорняков' (Dictionary of Proverbs, 2006: 365).

Лексико-грамматическая организация пословицы

По мнению Ш. С. Чадамба, отличия между пословицами в оригинале и в переводе на другой язык во многом обусловлены «отличиями лексического состава, морфологического и синтаксического строя языка оригинала и языка перевода»⁴. Общий для всех языковых единиц структурно-языковой фактор перевода проявляется в пословицах в виде их лексико-грамматической организации, характеристики

¹ Доржу Н. С., Очур Т. Х., Чыпсымаа О. О. Краткий справочник этнокультурных языковых реалий Саяно-Алтайского региона (на английском языке) : справочное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. С. 10.

² Иванова С., Иваноў Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 156.

³ Латгальский язык — один из трёх современных балтийских языков (наряду с латышским и литовским), язык коренных жителей Латгалии — восточной части Латвийской Республики, см.: Lazdiņa S., Marten H. F. Latgalian in Latvia: A Continuous Struggle for Political Recognition // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. Vol. 11. № 1. P. 66–87.

⁴ Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. С. 21.

которой могут существенно различаться в разных языках и влиять как на выбор способов, так и степени адекватности передачи пословицы лексическими и грамматическими средствами чужого языка. В этом смысле лексико-грамматическая организация тувинских пословиц может иметь как общие с пословицами других языков свойства, в том числе также и универсальные (Петрушэўская, 2019), так и специфические, которые следует учитывать при переводе.

Так, для грамматической структуры значительного количества пословиц в тувинском языке «характерно употребление сопоставляемых грамматических форм в назывательном (именительном) падеже, что придаёт суждению особую точность и выразительность» (Курбатский, 2001: 344) и, как правило, не представляет особой трудности для адекватного перевода на русский язык, напр.: *Кижги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’¹, а также на английский язык, напр.: ‘Human is a slave to money’. Следует отметить, что в данном случае в силу общности человеческого мышления и универсальности грамматической модели «N+N / N+is+N» в пословичных фондах языков мира тувинская пословица о человеке как рабе денег имеет множество иноязычных параллелей с близкими или аналогичными структурно-семантическими моделями. Так, в русском языке есть структурно-семантический аналог тувинской пословицы, который может быть использован в качестве её переводного пословичного эквивалента, напр.: *И барину деньга (деньги) господин* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 34). Однако нужно помнить, что сама по себе грамматическая организация пословицы не является достаточным провербиальным фактором для выбора её иноязычных переводных эквивалентов, следует учитывать ещё и такой фактор, как композиционно-образная структура. Так, в европейских языках употребляются аналогичные пословице *Кижги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’ по грамматической организации, но не близкие по структурно-семантической модели пословицы, которые нельзя использовать в качестве её полных переводных эквивалентов, напр.: рус. *Добрый хозяин — деньгам господин, а скупой — слуга* (там же: 961), латыш. *Nauda ir labs kalps, bet bīstams kungs* ‘Деньги — хороший слуга, но опасный господин’ (Milzere, 1998: 88); англ. *Money is a good servant but a bad master* ‘Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин’ (Dictionary of Proverbs, 2006: 389).

Особенности лексической организации пословицы могут оказывать решающее воздействие на адекватность её перевода в случае семантической вариативности отдельных лексических компонентов, а также их сочетаний и/или корреляций в пословице.

Так, трудность перевода тувинской пословицы *Кижги кижиден каралыг, Киш киштен каралыг* заключается в лексической игре компонентов *каралыг* (лексемы *каралыг* и семантически связанной с ней *кара* ‘чёрный’). В паремнографическом сборнике Б. К. Будупа даётся следующий перевод этой пословицы: ‘Бывают люди разборчивее нас, Бывает соболя чернее другого’². На наш взгляд, такой перевод является не вполне адекватным, поскольку искажает традиционный (действительный) смысл пословицы. В тувинском языке слово *каралыг* означает ‘недоверчивый, мнительный, подозрительный’ (*каралыг кижги* ‘мнительный человек’) (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 228), а применительно к соболю *каралыг* означает чёрную окраску его меха. Тогда, на первый взгляд, правильный перевод на русский может звучать как ‘Человек человека подозрительнее, Соболя соболя чернее’. Это подтверждает и перевод близкой по смыслу и аналогичной по структурно-семантической модели пословицы *Кижги кижиден кажар, Киш киштен кара* как ‘Человек человека хитрее, Соболя соболя чернее’. Однако и здесь не всё оказывается так просто.

Особенности лексической организации пословицы почти всегда взаимосвязаны с семантической вариативностью общего пословичного значения под влиянием речевых контекстов и ситуаций функционирования данной пословицы. Достаточно значимым в этой связи является традиционный контекст — типичное употребление пословицы в различных текстах устного народного творчества (прежде всего, в произведениях собственно эпических и лиро-эпических жанров). В исследовании Д. С. Куулара «Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций»³ утверждается, что в тувинском эпосе много внимания уделяется идее воспитания молодёжи в духе

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 106.

² Там же.

³ Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с. С. 23.

любви к родине, для чего в фольклорных текстах различных жанров часто повторяется наказ молодым тувинцам, выраженный в пословичной форме: Соболь соболя чернее, Человек человека злее. В данном изречении выражается мнение не о взаимоотношениях людей (по аналогии с широко известным изречением лат. *Homō homīni lupus est* 'Человек человеку волк'), как это может показаться, а об отношении к чужбине, ко всем чужим людям (инородцам). «Повторением подобных афористических выражений мудрые сказители проводят идею привязанности человека к родной земле и своим соплеменникам»¹. Вне сомнения, пословица *Кижѝ кижиден каралыг, Киш киштен каралыг* имеет такой же традиционный смысл (о чужбине и чужих людях), поэтому её адекватным переводом будет 'Человек человека чернее (злее), Соболь соболя чернее' (с учётом доказанного здесь фактора семантической вариативности, а также обусловленного им фактора лексической организации, где *каралыг* в составе пословицы следует понимать в обоих случаях 'чёрный', но применительно к соболу в прямом значении, а применительно к человеку — в переносном как 'злой').

Семантическая вариативность лексических компонентов вызывает и ряд трудностей в адекватном переводе пословицы *Бак кижиниң чоруу Баарда, кээрде — дөрт*, которая в словаре тувинских пословиц и поговорок Б. К. Будупа довольно ярко, даже излишне эмоционально переводится на русский язык как 'У вспыльчивого и забывчивого Два прихода и два ухода'². В тувинско-русском словаре под редакцией Э. Р. Тенишева данная пословица переводится уже как 'Нерадивый за одной вещью два раза ходит' (*Тувинско-русский ...*, 2014: 87), что гораздо более близко оригиналу, поскольку тувинское *бак* имеет значение 'плохой, дурной, нерадивый' (*Тувинско-русский словарь ...*, 1968: 87). Однако следует, на наш взгляд, учитывать и другие значения лексемы *бак*, поскольку, как уже указывалось выше, именно лексическая полисемия в составе пословицы детерминирует и маркирует её возможное контекстно-ситуативное значение, которое также должно быть представлено при словарном переводе пословиц. Поэтому буквальный перевод данной пословицы звучит как 'У плохого (У нерадивого) человека Уходов, приходов — четыре'. Остаётся не вполне прозрачным перевод второй части этой двучленной пословицы *Баарда, кээрде — дөрт* 'Уходов, приходов — четыре', что может неверно восприниматься реципиентом как 'четырежды приходит и уходит'. Исходя из этого, во второй части вместо буквального перевода, на наш взгляд, целесообразно использовать принцип адаптивного перевода, что в итоге даст наиболее адекватный перевод всей пословицы как 'Дурной (нерадивый) человек дважды за одним приходит и уходит'. Эквивалентной в русском языке является пословица *Глуп да ленив одно дважды делает* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 178).

Этнокультурно маркированные компоненты пословицы

С проverbsальными факторами композиционно-образной структуры и лексико-грамматической организации пословицы тесно связан ещё и такой важный фактор перевода, как наличие в пословичной образной и / или лексико-семантической структуре этнокультурно маркированных компонентов. Данные компоненты отражают особенности истории, материальной и духовной культуры того народа, пословицы которого переводятся на чужой язык.

Особенно значимым данный фактор становится в случае, когда в языке перевода обнаруживается лакуарность³ по отношению к языку оригинала определённых фрагментов языковой картины мира и/или средств её выражения в силу разительного лингвокультурного отличия двух народов.

Так, многие тувинские пословицы являются этнолингвокультурно маркированными, содержат этнолингвомаркёры (термин О. В. Ломакиной), т. е. специфические компоненты как носители национальной «культурной памяти», которые могут не иметь аналогов в других языках (Ломакина, 2018: 85). Отсутствие таких аналогов представляет серьёзную трудность для перевода. Так, А. М. Коняшкин и Ш. С. Чадамба признают, что «идеальный перевод» национально-маркированных пословиц в боль-

¹ Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с. С. 23.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 20.

³ Лакуарность — это категория, одним из компонентов которой являются лакуны, которые определяются в современной этнолингвистике как — «пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания», см.: Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с. С. 5.

шинстве случаев невыполним, поскольку редукция национальной специфики в данном случае неизбежна (Коняшкин, Чадамба, 2014а: 203). По нашему мнению, перевод необязательно должен быть идеальным, он должен быть адекватным оригиналу. В этой связи влияние этнокультурно маркированных компонентов пословицы на выбор способа её перевода часто становится определяющим, особенно когда в языке перевода присутствует аналогичная по структурно-семантической модели и тождественная по значению пословица.

Так, тувинская пословица *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* аналогична по своей структурно-семантической модели и тождественна по своему значению русской пословице *Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*, однако включает в свой состав два этнолингвокультурно маркированных компонента *азага* и *бурганга*. В словаре Б. К. Будупа эта пословица переводится на русский язык 'Ни бургану (у иконы, у бога) лампада, ни чёрту щипцы'¹. Весьма близкий перевод даётся в словаре М. Хадаханэ и О. Саган-оола: 'Ни у бургана лампада, ни у чёрта щипцы'². Оба перевода с инверсированным порядком структурных частей пословицы, что обусловлено, видимо, стремлением подчеркнуть влияние русского аналога, от которого была в своё время образована тувинская пословица. В частности, Г. Н. Курбатский отмечал, что она скалькирована с соответствующей русской пословицы (Курбатский, 2001: 244). Оба перевода включают этнолингвомаркёр *бурган*, который призван, скорее всего, продемонстрировать трансформацию русской пословицы в тувинском языке как результат её лингвокультурной ассимиляции (то же касается и компонента *щипцы*, который не так явно, как *бурган*, но всё же маркирует этнокультурное своеобразие тувинского аналога русской пословицы).

Такой перевод, на наш взгляд, следует признать не вполне удачным, поскольку в нём совмещены два противоположных подхода при передаче на другой язык этнокультурно маркированных устойчивых единиц — буквальный перевод и перевод с помощью пословичного эквивалента (аналога). Кроме того, ни тот, ни другой подходы не реализованы в полной мере. В результате такого перевода возникает некая «третья пословица» (в которой есть и *бурган*, и *чёрт*, и *лампада*, и *щипцы*), которая не является ни тувинской, ни русской, поскольку ни в тувинской, ни в русской традиционной культуре нет именно такого целостного набора реалий, о которых идёт речь в данном переводе. Достаточно сказать, что русские не представляют себе, кто такой *бурган*, а у тувинцев *лампада* имеет совершенно иные вид и предназначение, чем в христианстве. Традиционной религией тувинцев является буддизм, в практике которого очень распространены лампы в форме металлических вазочек на подставках, в которых горит огонь. В буддизме лампада имеет собственную культовую значимость, существует даже праздник тысячи лампад.

В подобных случаях следует строго разграничивать буквальный перевод и перевод с помощью иноязычных пословичных эквивалентов (аналогов). Наиболее адекватным и репрезентативным в лексикографическом аспекте здесь представляется буквальный перевод с сохранением в составе переводного соответствия этнокультурно маркированных элементов как показатель того, что данная пословица глубоко ассимилирована в традиционной тувинской культуре и воспринимается самими тувинцами уже не как русскоязычное заимствование, а как органичная часть этнокультурно самобытного пословичного фонда тувинского народа.

Компоненты-этнолингвомаркёры в тувинской пословице нуждаются в специальном лингвокультурологическом комментарии, который является обычным для словарных переводов (используется и в словарях тувинских пословиц для пояснения русскоязычных переводов, включающих тувинскую лексику, в частности, и *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* 'Ни бургану (у иконы, у бога) лампада, ни чёрту щипцы' в словаре Б. К. Будупа, где поясняются «чула (эрги) — ден, чырыткы» и «у бургана — у иконы, у бога»³).

В данном случае для лингвокультурологического комментария могут быть использованы следующие сведения.

Аза — в тувинском фольклоре обозначает злого духа, демона. Это общее для всех тюркских народов Южной Сибири название злой силы. В монгольском языке демон обозначается *ада*, которое считается ранним заимствованием из тюркских языков (Татаринцев, 2000: 69–70). В свою очередь, тувинское *аза*

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 14.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 14.

могло быть заимствовано тюрками из индоиранских языков в связи с проникновением на территорию Тувы буддизма, поскольку связана с индийскими демонами низшего порядка — санскр. *асура* (Ой-ноткинова, 2018: 42). Тувинское устойчивое выражение *Аза алзын!* соответствует русскому *Чёрт возьми!* Однако тувинское *аза* весьма существенно отличается от русского *чёрт*. По поверьям тувинцев, *аза* — это душа умершего человека (Орус-оол, 2020: 16).

Бурган — общее для тюркских и монгольских народов (монг. *бурхан*), заимствовано из монгольского языка (Татаринцев, 2000: 295), обозначает и само божество, и его изображение. В тувинском фольклоре этим словом называется сам Будда — *Бурган Башкы*.

Кыскаш переводится на русский язык как '1) щипцы; клещи' или как '2) кочерга' (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 280). И щипцы, и кочерга имеют сходные функции — служат для разгребания углей в печи, в очаге, в костре. Следует отметить, что компонент *кочерга* в составе устойчивых выражений имеет и другое значение. Образ кочерги в аналогичной пословичной модели встречается в восточнославянских языках, напр.: рус. *Упрямый — что лукавый: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 75); бел. *Ні богу свечка ні чорту качарга* (Лепешаў, 2008: 524). Первоначальное значение слова *кочерга* 'палка, обожжённая с одного конца', которую могли использовать для освещения, как лучину. Иными словами, восточнославянское *кочерга* — это такой же источник света, как и лампада, но используется как аналог свечи или лучины. В славянских аналогах русской пословицы о чёрте и кочерге, присутствуют образы огарка свечи и лучины, напр.: польск. *Bogi świeczka, a diabłu ogarek* (Adalberg, 1894: 31), укр. *З нашого Захарки ні Богу свічка, ні чортові угарка; Ні Богові свічка, ні чорту шпичка* (где *шпичка* 'острая палочка') (Чусь, 2013: 107). Показательно, что в таджикском языке есть пословичный аналог, в котором также упоминается *свеча* в связи с загробным миром, напр.: *На шамъи мазор, на чорӯб хона* 'Ни свеча для гробницы, ни веник для комнаты' (Калонтаров, 1965: 246).

С учётом фактора этнокультурно маркированных компонентов пословица *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* переводится на русский язык как 'Ни аза щипцы (кочерга), ни бургану лампада' с лингвокультурологическим комментарием и одновременной отсылкой к русскоязычному пословичному эквиваленту *Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*. На английский язык тувинская пословица также переводится с сохранением национально маркированных компонентов *бурган* и *аза* как *burgan* и *aza* с лингвокультурологическим комментарием, напр.: 'Neither rake to aza nor lamp to Burgan'. Пословичными эквивалентами тувинской пословицы в английском языке являются *Neither fish nor flesh* 'Ни рыба, ни мясо'; *Neither fish nor good red herring* 'Ни рыба, ни красная копчёная сельдь'; *Neither seeds nor meal* 'Ни зерно, ни мука'; *Neither sugar nor salt* 'Ни сахар, ни соль' (Dictionary of Proverbs, 2006: 407).

Таким образом, для словарного перевода этнокультурно маркированных тувинских пословиц наиболее подходит буквальный перевод с сохранением и комментированием этнолингвомаркёров, а также одновременно и перевод с помощью иноязычных пословичных аналогов (по структурно-семантической модели) в случае их наличия.

Заключение

Принципы и способы перевода тувинских пословиц детерминированы как общими факторами (структурно-языковым, культурным, семиотическим, когнитивным, коммуникативно-прагматическим), так и частными, обуславливающими в своей совокупности характер и способы перевода только единиц пословичного фонда (провербиальными факторами перевода).

К провербиальным факторам перевода тувинских пословиц относятся семантическая вариативность пословицы, её композиционно-образная структура и лексико-грамматическая организация, наличие в её составе этнокультурно маркированных образных и понятийных компонентов.

Провербиальные факторы перевода не существуют и не реализуются изолированно друг от друга, поскольку репрезентируют тесно связанные между собой аспекты пословицы как сложного языкового знака и как фольклорного произведения (однофразового текста).

Основным результатом использования провербиальных факторов перевода является, во-первых, повышение степени адекватности перевода тувинских пословиц на русский язык и на английский язык, а во-вторых, расширение возможностей передачи национальной (языковой, фольклорной, этнокультурной) специфичности тувинских пословиц средствами русского, английского языков.

Установлено, что провербиальные факторы перевода являются одним из наиболее эффективных инструментов преодоления переводческих трудностей, а также критериев выбора иноязычных эк-

вивалентов при межъязыковой трансляции тувинских пословиц в аспекте паремиографии (при описании в полилингвальном паремиологическом словаре).

Перспективой для дальнейших исследований является разработка и верификация конкретных приёмов перевода тувинских пословиц на русский и на английский языки с учётом каждого из про-вербиальных факторов и создание на этой основе методики словарного перевода единиц тувинского пословичного фонда с целью её использования при составлении различных (нормативных, полилингвальных, учебных) паремиографических словарей тувинского языка.

Адекватный перевод тувинских пословиц на русский и на английский языки в новых словарях тувинского пословичного фонда не только позволит ввести его в научный оборот при типологическом описании паремиологии европейских и азиатских языков, но и создаст возможность для передачи средствами русского и английского языков этнонациональной самобытности тувинской паремиологии на фоне евроазиатского паремиологического континуума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балляр, М. (2009) Пословица и перевод // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. № 2. С. 38–63.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А. (2019) Человек и деньги. Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское Востоковедение. 295 с.
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.
- Бурькин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Жуков, В. П. (1991) Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык. 534 с.
- Иванов, В. Н. (2017) Пять аспектов теории перевода // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. № 2. С. 20–48.
- Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.
- Иванов, Е. Е. (2014) Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Филологические науки. № 77. С. 21–24.
- Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Иваноу, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай мов: падабенствы і разыходжанні // Філолагічны студіі. Вип. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)

История Тувы (2001) : в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.

Калонтаров, Я. И. (1965) Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе : Ирфон. 534 с.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1(72). С. 92–95.

Киндеркнехт, А. С. (2007) К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. № 10 (16). С. 3–10.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014a) О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 200–202.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014b) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 202–204.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 616–618.

Крикманн, А. (1978) Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 82–104.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблема перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Кузьмин, С. С. (2004) Идиоматический перевод с русского языка на английский: теория и практика. М. : Флинта; Наука. 311 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М., : Либроком. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Лепешаў, І. Я. (2008) Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. Мінск : Беларуская энцыклапедыя. Т. 2. 702 с. (На белорус. яз.)

Ломакина, О. В. (2018) Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М. : РУДН. 344 с.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2016) Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. № 3(45). С. 119–128.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018a) Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Slavica Tartuensia. Т. XI. С. 103–128.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018b) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Мокиенко, В. М. (2012) Давайте говорить правильно: пословицы в современном русском языке. М. : ОЛМА Медиа Групп. 413 с.

Мокиенко, В. М. (2017) Давайте правильно говорить по-русски: пословицы...: как их правильно понимать и употреблять: толкование, происхождение, иноязычные соответствия. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка. 316 с.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. (2010) Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп. 1024 с.

Мюррей, Ю. В. (2008) Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents. М. : АСТ ; Санкт-Петербург : Сова. 252 с.

Ойроткинова, Н. Р. (2018) Демоним «аза» в языке и фольклоре тюрков Южной Сибири // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 40–52. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/63/4>

Орус-оол, С. М. (2020) Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев. Кызыл : Радуга Тувы. 80 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушэўская, Ю. А. (2019) Лінгвістычныя ўніверсаліі і парэміялагічны фонд мовы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. № 2. С. 115–121. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 312 с. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы / рэд. Я. Я. Іваноў. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А., Іваноў, Я. Я. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 48–52. (На белорус. яз.)

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. 339 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Тувинско-русский словарь (2014). 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл : Тываполиграф. 648 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Чусь, Г. Н. (2013) Пословица не даром молвится = Нема приповідки без правди = A good maxim is never out of season = Proverbe ne peut mentir: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц. М. : Либроком. 256 с.

Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература (2020) / Донгак У. А. и др.; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Adalberg, S. (1894) Księga przysłów porzypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa : Druk Emila Skińskiego. 865 s. (На польском яз.)

Dictionary of Proverbs (2006) / compiled from G. L. Apperson, revised by M. H. Manser and S. Curtis. Wordsworth Editions Ltd. 656 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. Pp. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Kuusi, M. (1994) Mind and Form in Folklore. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 199 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Milzere, M. (1998) Latviešu sakāmvardi un parunas. Rīga : Zvaigzne ABC. 144 p. (На латыш. яз.)

Opincāne, B. (2000) Latgaļu parunas un sokomvõrdi. Rēzekne: Latgolas kult. centr. 86 p. (На латг. яз.)

Дата поступления: 13.12.2021 г.

REFERENCES

- Balliar, M. (2009) Poslovitsa i perevod [Proverbs and translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 22: Teoriia perevoda*, no. 2, pp. 38–63. (In Russ.).
- Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Kata-nova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).
- Bredis, M. A. (2019) *Chelovek i den'gi. Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko [Man and money. Essays on Russian proverbs, and more]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 295 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs about wealth and poverty of the Baltic-Finnish peoples of Russia against the European paremiological background]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocul-turological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143-160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverbs in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinits) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages: the case of numerative units]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii [Tuvan culture: the material and the spiritual, traditions and innovations]*. Kyzyl, TuvSU Publ. 115 p. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020) Buddiiskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovor-kakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Zhukov, V. P. (1991) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]*. 4nd ed. Moscow, Russkii iazyk. 534 p. (In Russ.).
- Ivanov, V. N. (2017) Piat' aspektov teorii perevoda [Five aspects of translation theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 22: Teoriia perevoda*, no. 2, pp. 20–48. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob"ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2014) Paradoksal'nye poslovitsy v russkom i belorusskom iazykakh [Paradoxical proverbs in Russian and Belarusian]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo. Issue Filologicheskie nauki*, no. 77, pp. 21–24. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinits v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics and its major properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskiikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyiavleniya) [The ethnic character of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanoŭ, Ya. Ya. (2011) Paremiialagichnyia sistemy belaruskai i ruskai moy: padabenstvy i raz'ykhodzhanii [Paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and discrepancies]. *Filologichni studii*, issue 6, part 2, pp. 53–63. (In Belarusian).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kalontarov, Ya. I. (1965) *Tadzhikskie poslovitsy i pogovorki v analogii s russkimi [Tajik proverbs and sayings by analogy with Russian]*. Dushanbe, Irfon. 534 p. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvan language in comparison with Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [Semantic features of phraseological units with the component “hand” in Tuvan and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kinderknekt, A. S. (2007) K voprosu o perevode poslovits [On the question of translating proverbs]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 10 (16), pp. 3–10. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014a) O nekotorykh osobennostiakh vvedeniia paremii v khudozhestvennyi tekst (na materiale russkikh perevodov) [Some issues of introducing paroemias into a literary text: the case of Russian translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 200–202. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014b) Problema perevoda tuvinskiikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translating Tuvan paroemias: the case of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 202–204. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskiikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [The linguoculturological aspect of Tuvan paroemias in the texts of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.).

Krikmann, A. (1978) Nekotorye aspekty semanticheskoi neopredelennosti poslovitsy [Some aspects of the semantic ambiguity of the proverb]. In: *Paremiologicheskii sbornik: poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst) [A paremiological collection: proverb and riddle (structure, meaning, text)]* / comp. and ed. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 82–104. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problema perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskiikh kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: on the example of Tuvan cultural concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kuz'min, S. S. (2004) *Idiomaticheskii perevod s russkogo iazyka na angliiskii: teoriia i praktika [Idiomatic translation from Russian into English: theory and practice]*. Moscow, Flinta, Nauka. 311 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdurashchym i budushchim [Tuva between the past and future]*. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p.

Lepeshau, I. Ia. (2008) *Sloynik frazealogizmau belaruskai movy [Dictionary of phraseological units of the Belarusian language]*: in 2 vol. Minsk, Belaruskaya entsyklopedyia. Vol. 2. 702 p. (In Belarusian).

Lomakina, O. V. (2018) *Frazeologiya v tekste: funktsionirovanie i idiosyl' [Phraseology in the text: functioning and idiosyl]*. Moscow, RUDN. 344 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2016) Poznavatel'nyi potentsial rusinskikh paremii na fone russkogo i ukrainskogo iazykov [Cognitive potential of Rusyn paremias against the background of Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, no. 3(45), pp. 119–128. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018a) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavianskom fone [Carpatho-Rusyn somatic paremias against a Slavic background]. *Slavica Tartuensia*, vol. XI, pp. 103–128. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018b) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoi kul'ture [The Tuvan tercet: the triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 138 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2012) *Davaite govorit' pravil'no: posloviity v sovremennom russkom iazyke [Let's speak correctly: proverbs in contemporary Russian]*. Moscow, OLMA Media Grupp. 413 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2017) Davaite pravil'no govorit' po-russki: posloviity...: kak ikh pravil'no ponimat' i upotreblit': tolkovanie, proiskhozhdenie, inoiazychnye sootvetstviia [Let's speak Russian correctly: proverbs...: how to understand and use them correctly: interpretation, origin, foreign language correspondences]. Moscow, St. Peterburg, Tsentrpoligraf, Russkaia troika. 316 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. and Nikolaeva, E. K. (2010) *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits [A large dictionary of Russian proverbs]*. Moscow, OLMA Media Grupp. 1024 p. (In Russ.).

Miurrei, Yu. V. (2008) *Bol'shaia kniga russkikh poslovits i pogovorok i ikh angliiskikh analogov = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents*. Moscow, St. Peterburg, AST, Sova. 252 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2018) Demonim «aza» v iazyke i fol'klоре tiurkov Iuzhnoi Sibiri [Demonym 'aza' in the language and folklore of the Turkic peoples]. *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 40–52. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/63/4>

Orus-ool, S. M. (2020) *Mify, legendy i predaniia tuvintsev-todzhintsev [Myths, legends and legends of the Toji Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy. 80 p. (In Russ.).

Paremiologiiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p.

Petrusheuskaia, Yu. A. (2019) Lingvistichnyia ŷniversalii i paremiialagichny fond movy [Linguistic universals and the paremiological foundation of language]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue A: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 115–121. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. (2020) *Universal'ny i internatsyional'ny kampanenty u paremiialagichnym skladze belaruskai movy: belarуска-inshamoŷnu slounik [Universal and international components in paremiological structure of Belarusian language: A Belarusian-foreign dictionary]*. Magileu, MDU. 312 p. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. (2021) *Moŷnaia spetsyfičnasts' i natsyional'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]* / ed. by Ya. Ya. Ivanou. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. and Ivanou, Ya. Ya. (2021) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: prykazkavaia strukturna-semantichnaia madel' [The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model]. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psichhalogiiia. Filalogiiia*, no. 4, pp. 48–52. (In Belarusian).

Potapov, L. P. (1969) *Očerki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologičeskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I: A–B. 339 p. (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (2014). 2nd ed. / ed. by E. R. Tenishev and D. A. Mongush. Kyzyl, Tyvapoligraf. 648 p. (In Russ. and Tuv.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some aspects of translating paroemic sentence in Russian literary translations from Tuvan]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1(35), pp. 191–193. (In Russ.).

Chus', G. N. (2013) *Poslovitsa ne darom molvitsia = Nema pripovidki bez pravdi = A good maxim is never out of season = Proverbe ne peut mentir: bolee 5000 russkikh, ukrainskikh, angliiskikh i frantsuzskikh poslovits [Over 5000 Russian, Ukrainian, English and French proverbs]*. Moscow, Librokom. 256 p. (In Russ. et al.).

Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: folklore and literature] (2020) / Dongak U. A. et al., ed. by G. Zolbaier and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Adalberg, S. (1894) *Księga przysłów porzypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich [Book of proverbs and proverbial polish expressions]*. Warszawa, Druk Emila Skiwskiego. 865 p. (In Polish)

Dictionary of Proverbs (2006) / sompiled from G. L. Apperson, revised by M. H. Manser and S. Curtis. Wordsworth Editions Ltd. 656 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Kuusi, M. (1994) *Mind and Form in Folklore*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 199 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Milzere, M. (1998) *Latviešu sakāmvārdi un parunas [Latvian proverbs and sayings]*. Rīga, Zvaigzne ABC. 144 p. (In Latvian)

Opincāne, B. (2000) *Latgaļu parunas un sokomvōrdi [Latgalian sayings and sokomvōrdi]*. Rēzekne, Latgolas kult. centr. 86 p. (In Latgal)

Submission date: 13.12.2021.